

В.П. Рябушинский

**Великая Россия. Сборник
статей по военным и
общественным вопросам.
Книга 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
В11

В11 **В.П. Рябушинский**
Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам.
Книга 1 / В.П. Рябушинский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 312 с.

ISBN 978-5-458-54071-1

ISBN 978-5-458-54071-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

26-го октября скончался Александръ Алексѣевичъ Тимофеевъ.

Покойнымъ была совершена большая часть работы по редактированію первой книги настоящаго сборника. Редакція не исполнила бы своего долга передъ Александромъ Алексѣевичемъ, если бы не пожелала ему тихаго и безмятежнаго сна въ родной землѣ, которую онъ такъ горячо любилъ.

Редакція.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская жизнь наполнена всякими предрасудками. Особенно их много въ области идей, регулирующихъ отношеніе общества къ арміи и обратно. Обыкновенно на тѣхъ одиночныхъ людей изъ общества, которые интересовались военнымъ дѣломъ, смотрѣли, мягко выражаясь, какъ на чудаковъ. Лишь въ послѣдніе годы стало нарождаться стремленіе поближе познакомиться съ арміей, ея жизнью, а также съ тѣмъ дѣломъ, которому она служить. Съ другой стороны, то предубѣжденіе и тѣ насмѣшки, съ которыми раньше въ военной средѣ встрѣчалось всякое проявленіе интереса къ арміи со стороны штатскихъ, начинаютъ исчезать. Очевидно, въ русской идейной жизни возникаетъ новая потребность. Обслуживать ее является дѣлю настоящаго сборника. Военные вопросы будутъ въ немъ обсуждаться въ той связи, которую они имѣютъ съ другими сторонами жизни нашего отечества. Мы думаемъ, что только такое разсмотрѣніе можетъ привести къ правильному рѣшенію военныхъ проблемъ нашей родины. Намѣтивъ эту общую дѣль, редація въ преслѣдованіи ея не будетъ держаться въ рамкахъ узкихъ тенденцій. Главная задача—постановка вопросовъ и ихъ разработка. Сама сложность и неопредѣленность того положенія, въ которомъ Россія сейчасъ находится, того переходнаго времени, которое она переживаетъ, часто исключаетъ возможность единодушія даже по важнымъ вопросамъ. Поэтому во многихъ случаяхъ между отдѣльными статьями могутъ быть противорѣчія, въ нихъ могутъ быть высказаны несогласныя точки зрѣнія. Но есть нѣчто, что красной чертой проходитъ черезъ весь сборникъ. Это—любовь къ родинѣ арміи и культурѣ. Въ основаніи всякаго патріотизма лежитъ привязанность къ родной культурѣ. Подъ ней, особо для каждого народа, нужно подразумѣвать всю совокупность его идей, религиозныхъ, философскихъ и другихъ, а также свойственныхъ ему навыковъ воли,—однимъ словомъ, народную душу и ея вышнія проявленія. Послѣд-

VIII.

ними являются обычаи, памятники искусства, произведенія промышленности и т. д. Отрицательныя стороны русской жизни убили у значительной части русской интеллигенціи само чувство патріотизма или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабили его. Это несправедливо: если Россія не хороша, то намъ нужно ее любить не меньше, а больше, потому что упадокъ родины—вина наша и отцовъ нашихъ. Другая часть русскаго общества, группа немногочисленная, но вліятельная, упорно называетъ плохое хорошимъ и считаетъ себя патріотами. Главный ихъ недостатокъ въ томъ, что заявляя о своей любви къ родной культурѣ, они не любятъ культуры вообще: образецъ своего патріотизма эти люди думаютъ найти въ Москвѣ 17 столѣтія. Они забываютъ, что фигура русскаго 20 столѣтія, гражданина Россійской Имперіи, слишкомъ крупна, чтобы на нее можно было напялить идейный кафтанъ москвича 17 столѣтія. Теперешній патріотизмъ долженъ быть и шире и сложнее: къ московскому патріотизму 17 столѣтія онъ долженъ относиться такъ, какъ послѣдній относится къ удѣльнымъ патріотизмамъ тверскимъ, рязанскимъ и другимъ 13, 14 и 15 столѣтій. Любовь къ родинѣ влечетъ за собой и любовь къ арміи. Причина не только та, что въ войскѣ видятъ щитъ своей независимости. Есть цѣлая сторона и области культуры, особенно волевой, а также моральной и физической, — развитію которыхъ служить атмосфера арміи. Воля, рѣшительность, самоотверженіе, физическое здоровье — особенно же гармонія ума и души—вотъ что дѣлаетъ хорошаго воина. Когда какой-нибудь народъ начинаетъ разлагаться, то матеріальная и умственная культура его еще можетъ держаться столѣтіями,—первыми начинаютъ шататься волевые и моральные устои. Это сейчасъ же отражается на арміи—и она быстро начинаетъ портиться;—у умирающихъ народовъ всегда дрянное войско. Въ свою очередь, упадокъ военнаго дѣла въ странѣ—грозный признакъ: часто это начало коңда. Но развитіе одной моральной культуры храбрости, самоотверженія, честности, безъ матеріальной и умственной, военнаго могущества не создаетъ; для этого требуется гармоничное развитіе культуры вообще во всей ея цѣлости и совокупности. Поэтому подъемъ военной мощи Россіи неразрывно связанъ съ ея общимъ культурнымъ процвѣтаніемъ.

Декабрь 1910.

В. П. Рябушинскій.

Міросозерцаніе народа и духъ арміи.

Арміи нашего времени, комплектуемая на началахъ обще-обязательной воинской повинности, съ короткими сроками дѣйствительной службы и относительно слабыми кадрами, давно уже утратили прежній характеръ замкнутой военной касты и обратились въ ополченія гражданъ, лишь временно оторванныхъ отъ обычныхъ, мирныхъ занятій. Вслѣдствіе этого духъ арміи не является чѣмъ-то самостоятельнымъ, какъ это бывало прежде, а зависитъ главнымъ образомъ отъ міросозерцанія того народа, изъ состава котораго она вышла.

Проведемъ въ этомъ отношеніи параллель между Японіей и Россіей.

I.

Феодальный періодъ исторіи, наполненный междоусобными войнами, просуществовалъ въ Японіи до семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда теперешній микадо Мутсу-Хито, воспользовавшись національнымъ негодованіемъ противъ начавшагося вмѣшательства европейцевъ, положилъ ему конецъ, создалъ цѣльное, твердо сплоченное государство. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности, японское военное дворянство — «самураи» почти поголовно вступило въ ряды новой арміи, занявъ въ ней должности не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и принеся съ собою свой кодексъ рыцарскихъ правилъ, такъ называемое «Бу-ши-до», сущность коего заключается въ трехъ словахъ—патріотизмъ, храбрость и честь. По словамъ знатоковъ Японіи, вся она «стала страной самураевъ».

Въ 1889 году Японская имперія получила конституцію и съ того времени быстро обратилась въ государство съ всеобщей грамотностью, свободной печатью, прекрасными путями сообщенія, оживленной торговлей, развитою промышленностью и т. п.

Однако, усвоивъ положительныя стороны европейской культуры, японцы не поддались ея разслабляющему вліянію, а сохранили въ неприкосновенности суровое, воинственное міровоззрѣніе недавнихъ феодальныхъ временъ. Благодаря этому въ японской арміи получилось столь рѣдко встрѣчающееся въ исторіи сочетаніе усовершенствованной техники и высокаго воинскаго духа.

Уже въ семьѣ молодому японцу прививаютъ безграничную, самоотверженную любовь къ отечеству и уваженіе къ военнымъ доблестямъ, которыя ставятся выше всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Этотъ принципъ лежитъ въ основѣ всего дальнѣйшаго воспитанія, начиная съ народной школы и кончая университетомъ. «Нѣтъ цвѣтка краше вишни, нѣтъ человека лучше воина»—говоритъ Японская пословица. Патріотизмъ есть истинная религія японцевъ. Интересы личности и семьи всецѣло приносятся въ жертву интересамъ государства. «Японцы для Японіи»—вотъ общій лозунгъ. Въ какой мѣрѣ японцы отождествляютъ свои частныя интересы съ интересами отечества показываетъ слѣдующій фактъ: когда въ 1895 году вмѣшательство европейскихъ державъ заставило Японію отказаться отъ главныхъ плодовъ ея побѣды надъ Китаемъ, сорокъ три японскихъ офицера лишили себя жизни, заявивъ, что они не въ силахъ вынести униженія своего отечества.

Армія, какъ самое яркое олицетвореніе государственной идеи, пользуется въ Японіи чрезвычайной популярностью. По этому поводу наша недавно вышедшая офиціальная исторія Русско-Японской войны говоритъ: «Въ войсковые ряды рвалась вся японская молодежь. Призывъ молодого японца въ солдаты справлялся въ его семьѣ какъ праздникъ. Были случаи, когда матери убивали себя только изъ за того, что ихъ сыновья оказывались по слабости здоровья непринятыми въ армію».

Параллельно съ патріотическимъ воспитаніемъ японецъ начинаетъ съ дѣтства обучаться военному дѣлу.

Народная школа, куда дѣти поступаютъ шести лѣтъ отъ роду, имѣетъ два курса—младшій четырехлѣтній и старшій двухлѣтній; на первомъ занимаются только гимнастикой, а на второмъ сверхъ того—3 раза въ недѣлю первоначальными военными упражненіями безъ оружія. Продолжительность курса средней школы—пять лѣтъ, при чемъ въ ней кромѣ гимнастики происходятъ 3 раза въ недѣлю фронтовыя занятія, состоящія изъ одиночнаго, взводнаго и ротнаго ученій, а также практики въ командованіи. Наконецъ, въ высшей школѣ, курсъ коей четырехлѣтній, помимо гимнастическихъ упражне-

нии, посвящаютъ 6 часовъ въ пехлѣ фелтованію на ружьяхъ, полевой службѣ и сообщенію важнѣйшихъ теоретическихъ свѣдѣній по военному искусству.

Для веденія всѣхъ указанныхъ занятій командируются офицеры и унтеръ-офицеры. Учащаяся молодежь занимается военнымъ дѣломъ съ особою любовью и по выходѣ изъ школы не забрасываетъ его, а соединяется въ союзы для повторенія пройденнаго и дальнѣйшаго усовершенствованія.

Вообще японцы обнаруживаютъ удивительный интересъ къ военному дѣлу и притомъ не къ одной лишь выѣшней, парадной его сторонѣ. Командированный въ 1903 году въ Японію на большіе маневры генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Таубе въ своемъ отчетѣ пишетъ: «Повсюду обычныя занятія были прекращены, народъ жилъ какъ бы одною жизнью съ войсками и принималъ самое дѣятельное участіе въ маневрахъ. Внимательно слѣдя за дѣйствіями сторонъ, цѣлыя деревни сопровождали наступающихъ и выѣстъ съ ними шли въ атаку. Это былъ какой-то національный праздникъ, а не обыкновенные маневры».

При такихъ условіяхъ японская армія получаетъ новобранцевъ уже въ значительной мѣрѣ обученныхъ, но, конечно, не въ этомъ заключается сущность дѣла, а въ томъ патріотическомъ, воинственномъ духѣ, который они приносятъ съ собой и который въ войскахъ развивается въ настоящій фанатизмъ.

Для того, чтобы выяснитъ это настроеніе, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ мемуаровъ поручика Сакураи Тадаіоси объ осадѣ Портъ-Артура, недавно переведенныхъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Сталью и кровью». Эта книга, эпиграфы къ которой написали маршалъ Ояма и генералъ Ноги, уже выдержала въ Японіи 48 изданій—очевидное доказательство того, что автору удалось затронуть самый нервъ народной души.

Сакураи пишетъ, что получивъ приказъ о мобилизаціи, весь ихъ полкъ «точно обезумѣлъ отъ радости».

Офицеры и солдаты испытывали это чувство не только вслѣдствіе пониманія дѣли начинавшейся борьбы, но и просто по той причинѣ, что въ нихъ силенъ былъ воинскій духъ. «Какое намъ дѣло»,—говоритъ авторъ—«для чего начата эта война, зачѣмъ призваны войска и двинемся ли мы на сѣверъ или на югъ. Мы только необузданно радовались тому, что съ каждой минутой приближается время, когда можно будетъ проявить свою храбрость».

Солдаты, оставляемые на родинѣ, приходили въ отчаяніе; нѣкоторые даже лишали себя жизни; напримѣръ, одинъ такой несчастливецъ отправился въ храмъ и тамъ, «прошептавъ банзай въ честь императора, однимъ взмахомъ широко вскрылъ себѣ животъ».

Заботы о семьѣ и имуществѣ какъ бы перестали существовать. Многіе покидали престарѣлыхъ родителей, больныхъ женъ и маленькихъ дѣтей, о коихъ некому было позаботиться. «Глубоко-любимая жена одного несчастнаго офицера въ ночь наканунѣ выступленія въ походъ, оставивъ грудного младенца, ушла въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата. Не имѣя даже времени похоронить свою жену, этотъ офицеръ, утеревъ слезы, мужественно отправился въ походъ».

Автора всѣ родные поздравляли съ выступленіемъ на войну, а отецъ напутствовалъ слѣдующими словами: «О домашнихъ ты ни капельки не безпокойся и служи, какъ только можешь. Я, твой отецъ, примирился съ мыслью, что ты долженъ пасть въ бою. Пусть твои великолѣпные подвиги, какъ цвѣты, украсятъ двери нашего дома».

«Такія трогательныя напутствія слышались не только въ моей семьѣ»,—говоритъ Сакураи,—«но повторялись и во всякой другой»... «Наступило время и я, взявъ съ божницы саблю, пристегнулъ ее къ поясу, осушилъ поднесенную мнѣ матерью обычную прощальную чашу воды и, принеся въ душѣ клятву не возвращаться живымъ, легкимъ шагомъ ушелъ, оставляя позади себя родной кровъ».

Что въ приведенныхъ фразахъ нѣтъ никакого преувеличенія, видно изъ брошюры Эрвина Бяльца «О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти». Бялецъ, живущій въ Японіи болѣе четверти вѣка и бывший долгое время профессоромъ Токійскаго университета, пишетъ: «Когда японецъ отправляется на войну, то онъ прерываетъ всѣ нити, связывающія его съ семьей, или съ какой либо личностью. Онъ для семьи и семья для него будто умерли».

Въ толпахъ народа, провожавшаго уходившія на войну войска, господствовало чрезвычайно приподнятое, радостное настроеніе. Объ этомъ Сакураи говоритъ:

«Вытянувшись длинной змѣей, двигался нашъ полкъ, провожаемый искренно-восторженными криками «банзай». Топотъ ногъ удалявшагося полка и лязгъ оружія звучали какъ-то внушительно для слуха провожающаго народа, а доносившіеся звуки трубы, то близкіе, то далекіе, были какъ бы прощальнымъ привѣтомъ дорогимъ собратьямъ».

«Въ то время, какъ старики и дѣти, размахивая флагами высоко надъ головами, потрясали небо и землю криками «банзай», мы, созна-

вая, что должны отплатить за это сердечное къ намъ отношеніе, чувствовали, какъ волна мужества захватила насъ всецѣло. Намъ казалось, что при наступленіи на непріятельскія позиціи, когда съ оглушительнымъ крикомъ мы будемъ бросаться въ рукопашную, намъ все еще будутъ слышаться позади насъ эти крики. Нашъ боевой кличъ будетъ лишь эхомъ этого народнаго «банзай». Эти напутственные возгласы не забывались нами ни днемъ, ни ночью, ни подъ непріятельскими снарядами, ни въ лагерѣ на холодномъ, рѣзкомъ вѣтрѣ.

«Я, простой смертный, отправлялся на войну, исполняя важную должность полкового знаменщика, то-есть моей обязанностью было ношеніе славнаго полкового знамени. Поэтому когда мы выступали въ походъ, почтительные поклоны толпившихся по краямъ дороги людей и крики «банзай» при приближеніи знамени еще болѣе воодушевляли меня, заставляя думать о томъ, чтобы возможно лучше исполнить свой долгъ.

«По дорогѣ учитель гимназій г. Кодзима, бывшій въ продолженіе пяти лѣтъ моимъ сердечнымъ и любезнѣйшимъ наставникомъ, замѣтивъ меня, чуть не подпрыгнулъ отъ радости. Приблизившись ко мнѣ на два—три шага, онъ тихо, душевно проговорилъ: «Сакураи, будь молодцомъ». На полѣ сраженія я часто повторялъ про себя эти слова и старался оправдать пожеланія моего наставника. А какъ трогали насъ, военныхъ людей, военные пѣсни, распѣваемые милыми малышами изъ дѣтскаго сада. Какое сильное впечатлѣніе производили напутствія согбенныхъ старушекъ, съ четками въ рукахъ, собиравшихся на краю дороги и привѣтствовавшихъ насъ словами: «Да сохранитъ васъ Дайси сама, солдатики, постарайтесь».

Далѣе, Сакураи описываетъ исключительные по ожесточенности и кровопролитію штурмы Портъ-Артурскихъ укрѣпленій. Здѣсь на каждой страницѣ изложены такіе факты, что дѣлать изъ нихъ выборъ становится затруднительнымъ.

Мы видимъ посылаемые для продѣлыванія проходовъ въ проволочныхъ сѣтяхъ партіи саперъ, которыя неизбѣжно должны погибнуть почти до послѣдняго человѣка. Мы видимъ передовыя штурмующія части—«отряды, обреченные на смерть», все назначеніе коихъ состоитъ въ томъ, чтобы заваливать рвы русскихъ укрѣпленій своими трупами и такимъ способомъ устраивать мосты для слѣдующихъ за ними. Какъ говоритъ авторъ: «Сыны Ямато (Японіи) вмѣсто бомбъ бросали свои тѣла во рвы непріятельскихъ укрѣпленій», или «Ямато Дамасин (духъ Японіи) швырялъ ихъ тѣлами».

А подвиги отдѣльныхъ лицъ?

Смертельно раненый офицеръ, повисшій на проволочныхъ сѣтяхъ и кончающій жизнь въ страшныхъ мученіяхъ, прежде всего думаетъ о томъ, чтобы уничтожить имѣющуюся у него секретную карту. Другой офицеръ съ прострѣленной грудью продолжаетъ командовать и бѣжать до тѣхъ поръ, пока не падаетъ мертвымъ съ послѣднимъ крикомъ «банзай». Единственный солдатъ, удѣлвшій изъ атакующей части, глѣ неудачу штурма, въ отчаяніи вскакиваетъ на брустверъ непріятельскаго укрѣпленія и тамъ находитъ, можетъ быть, и бесполезную для дѣла, но славную смерть.

Вотъ изувѣченные люди, просящіе о томъ, чтобы на нихъ не обращали вниманія, а продолжали наступать и взяли Портъ-Артуръ! Сакураи говоритъ: «Желаніе получить медицинскую помощь совершенно лишь случайно раненымъ, заботящимся о сохраненіи своего тѣла и неимѣющимъ беззавѣтнаго желанія лечь костями на полѣ сраженія».

Вотъ многочисленные умирающіе, послѣднимъ вздохомъ конхъ является не мысль объ оспротѣвшей семьѣ, а одно лишь страстное желаніе побѣды!

Авторъ принимаетъ славное участіе въ этихъ эпическихъ бояхъ, но, «не обладая военнымъ счастьемъ, остается совершенно нетронутымъ». Это обстоятельство повергаетъ какъ его, такъ и остальныхъ удѣлвшихъ въ «полное отчаяніе». Они стыдятся того, что имъ не удалось исполнить свои неоднократныя клятвы—принести жизнь въ жертву родинѣ.

Наканунѣ перваго общаго штурма Сакураи оставилъ должность знаменщика и былъ зачисленъ въ роту, которая вошла въ составъ «отряда, обреченнаго на смерть».

Ротный командиръ обратился къ подчиненнымъ съ такими словами: «Прощайте, ничего кромѣ этого не могу вамъ сказать. Завтра утромъ мы должны умереть на полѣ сраженія. Давайте же выпьемъ прощальный глотокъ воды».

Во время штурма у Сакураи осколкомъ снаряда оторвало правую руку до локтя. Быстро перевязавъ ее и взявъ саблю въ лѣвую руку, онъ пошелъ дальше и даже вступилъ съ непріателемъ въ рукопашный бой, но вскорѣ пуля прострѣлила ему и эту руку, а другая—раздробила кости правой ноги. Упавъ въ изнеможеніи на землю, онъ «скрежеща зубами отъ безсильнаго отчаянія» продолжалъ наблюдать за происходившимъ боемъ. Послѣдній окончился для японцевъ полной неудачей—штурмовавшія части обратились въ груды убитыхъ и искалѣченныхъ.